

The background of the poster is a dramatic scene of a rusted, industrial-style ship named 'DREAM' sailing through a dark, stormy sea. The ship's hull is covered in rust and rivets, and its sails are tattered. A bright lightning bolt strikes the dark, cloudy sky in the background. The overall mood is one of intense action and survival.

АЛЕКСАНДР МАКАРЬЕВ

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

Морской триллер о выживании

18+

Александр Макарьев

Стальная мечта

«Автор»

2026

Макарьев А. Ю.

Стальная мечта / А. Ю. Макарьев — «Автор», 2026

8-метровый самодельный стальной спасательный вельбот. 5 000 миль через океан. Поединок с духом стихии и собственной судьбой. Это хроника бескомпромиссной борьбы, холодной инженерной логики и непреклонной человеческой воли. Автор книги — инженер-механик и бывший директор яхт-клуба — отправился в рискованный Атлантический переход на судне, построенном своими руками из обычной стали. На грани выживания, среди штормов, фатальных поломок и одиночества бескрайнего океана, залогом спасения становятся не эмоции, а железный расчет, точность решений и глубокое уважение к стихии. «Стальная мечта» — это честный, захватывающий и глубокий нон-фикшн для всех, кто влюблен в море, интересуется парусными путешествиями и ищет настоящие истории о стойкости человеческого духа.

© Макарьев А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одесский случай	6
Глава 2 Строительство во дворе	9
Глава 3. Встреча на вернисаже.	13
Глава 4. Новый курс — Америка.	15
Глава 5. Советы морского волка	17
Глава 6. Болгарские берега и Босфор.	21
Глава 7. Прорыв через Дарданеллы.	25
Глава 8. Греческий рай.	26
Глава 9. Рыбалка	30
Глава 10. Мальта	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Макарьев

Стальная мечта

За молом вмиг угомонится плеск,
И мокрым боком привалясь к причалу,
Кораблик снова припадет к началу —
Затихнув в отражении небес.
Т.Нестеренко

Глава 1. Одесский случай

История эта началась в конце лета 1994 года в Украине в городе Днепропетровске. Это было время выживания для многих людей — время неопределённости для одних, и время новых возможностей для других. Стёпа, молодой высокорослый, мощного телосложения парень лет 30 - 35, сел в купейный вагон скорого вечернего поезда Днепропетровск — Одесса. Ехал Стёпа в Одессу по заданию своего отца, которому он иногда помогал в коммерческих делах. Отец его был частный предприниматель, и занимался торговлей небольшими партиями зерна. Бизнес был хлопотный и не сильно прибыльный.

Сам Стёпа по специальности был дизелист, и нужно признать, классные дизелист. Ему ничего не стоило оживить даже самый убитый мотор в кратчайшее время. Он видел моторы насквозь, он слышал их и он чувствовал их. И ремонтировал он их с некоторой долей артистизма. Стёпа не спеша подходил к неисправному агрегату, как хирург к постели неизлечимо больного, небрежно выслушивая жалобы хозяина, щёлкал по мотору пальцем, и выдавал диагноз, ну что-то вроде: «Ну что, лечить будем, или пусть дальше гниёт»?

Ну, а как проходила процедура ремонта! Это был художественный спектакль «Горе от Ума». В лучшие времена у Стёпы был свой ассистент, который понимал его по движению глаз. Он только вкладывал мастеру в руки инструменты и иногда корректировал освещение. Все движения Стёпы были чётко выверены, ничего лишнего ни в командах, ни в усилиях. Этот подход к работе он перенял у своих учителей в мореходке, творчески переработал, и поставил на более высокий уровень. Но Стёпина беда была в том, что по натуре он был одинокий волк. Он чувствовал себя вполне самодостаточным, и это мешало ему ужиться в этом мире.

Бизнес отца Стёпу интересовал мало, но так как никакой другой работы у него в то время не было, приходилось довольствоваться тем, что есть. Всё лучше, чем сидеть на шее у отца. Отец поручил ему в этот раз договориться о продаже пятнадцати тонн пшеницы, вручил деньги на билеты и на проживание, и предупредил, чтобы был экономным, зря денег не транжирил, и по ресторанам не шляется.

Соседями по купе были пожилая пара — муж и жена средних лет, и парень в тельняшке, примерно Стёпиного возраста. К ужину пара выставила на стол свою закуску, появилась и выпивка. Стёпа также сделал свой вклад, вытащил из сумки бутылку водки и поставил на стол. Познакомились, разговорились, пошло веселье. Все его попутчики оказались одесситами. Начали рассказывать друг другу, кто, чем занимается, где отдыхают. Парень назвался Иваном, и сказал, что он моряк дальнего плавания. В данное время ждёт своей очереди перед очередным плаванием. Стёпа тоже рассказал, зачем едет в Одессу. Иван выслушал его и сказал:

— «Слушай Степан, тебе больше никуда ходить не надо. Мой свояк работает на мукомольне. Завтра же мы все твои дела порешаем в лучшем виде».

В 6 часов утра поезд прибыл в Одессу. Стёпа и Иван тепло распрощались с супружеской парой, и пошли решать Стёпины дела.

Действительно, свояк Ивана устроил Стёпино зерно по очень выгодной цене. Стёпа получил аванс и, на радостях, пригласил обоих своих новых друзей в портовый ресторан, и вечером они втроем сидели за столом с видом на море, веселились, и пили за процветание Одессы — самого красивого города в мире.

За соседним столом также гуляла компания, но люди были постарше и посолиднее. Один человек из этой компании подошел к Ивану, похлопал его по плечу и спросил:

— Матрос Иван Штырь, по какому случаю праздник?

— О, капитан, — вскочил Иван — Иван Карпыч, какая встреча, давно не виделись! Мы вот здесь коммерческую сделку обмываем. А вы как?

— А у нас здесь вроде как поминки. Вот «Голиафа» провожаем. Списывают его. На следующей неделе на металлолом. Отплавался.

— Как жалко. Хороший же корабль.

— Конечно хороший. У меня сердце кровью обливается. Ходил в пароходство, кричал, доказывал. Всё без толку. Говорят, не рентабельный. Работы нет, рейсов нет, содержать команду денег нет. Ничего нет. Всё просрали. Приехали!

— Ладно, Иван Карпыч, не расстраивайтесь, давайте лучше выпьем за «Голиафа».

— Выпьем, конечно. Давай, наливай по полной.

Выпили стоя, помолчали.

Стёпа толкнул Ивана в бок.

— А что там на корабле остаётся, когда его списывают?

— Да всё остаётся, якоря, лебёдки, тросы, цепи, вельботы (спасательные шлюпки). Да мало ли чего.

— Слушай, Иван. Мне вельбот нужен. Договорись с капитаном. Пусть скажет, сколько стоит, я заплачу.

— Ладно, сейчас сделаем, — сказал сильно захмелевший Иван.

Слегка покачиваясь, он подошёл к капитану, пошептался с ним пару минут.

— Всё, порядок, Стёпа, две поллитры, и забирай. А вообще, нафиг он тебе нужен? Как ты его возьмёшь то, — удивился Иван.

— Ты прав, здесь он мне не нужен. Он нужен мне в Днепропетровске. Можно как-нибудь туда его доставить?

— Говно дело. Щас сделаем. — Иван ещё раз подошёл к капитану, пошептался, и с довольным видом вернулся на своё место.

— Порядок. Ещё две поллитры и он в Днепре. Завтра туда идёт самоходка. Капитан перебросит шлюпку на баржу, и через день встречай её в Днепропетровском порту. Везёт тебе — вельбот как конфетка, польский, восьмиметровый, стальной, хоть сейчас на воду. И двигатель Чачек, его почти не заводили — мечта.

Стёпа сам был слегка ошарашен, что всё получилось так быстро. Пять минут, и он стал владельцем судна. Вот уж действительно удивительные времена настали.

И с этого момента время для него побежало с удвоенной скоростью. Переночевав у Ивана на Пересыпи, Стёпа поспешил в Днепропетровск, чтобы подготовиться к встрече своего судна. С утра он договорился с водителем КАМАЗа и нанял автокран. Как только самоходка пришвартовалась к причалу, Стёпа увидел свой будущий корабль, и сердце его забило чаще. Он поднялся на палубу баржи, ласково погладил свою шлюпку, проверил состояние рым-болтов, и с величайшей осторожностью перегрузил её на кузов грузовика. Далее машины выехали из порта и двинулись по шоссе в направлении от центра города, где был расположен район частных домов, в одном из которых и жил Степан со своим отцом.

Всё это случилось, конечно же, не просто так. Стёпа с детства обожал воду. В школе он посещал кружок судомоделистов, после школы учился в мореходке, получил специальность техника-судомеханика. Работал несколько лет в порту, ремонтировал дизельные энергетические установки, потом больше года в исследовательском институте занимался разработкой методов очистки дизельного топлива, но до внедрения его работ дело так и не дошло. Потом ушёл на автопредприятие и работал автослесарем по ремонту моторов. Посещал яхт-клуб, где строились спортивные яхты. В яхт-клубе работал его друг детства Юра, с которым они вместе ходили в кружок судомоделистов. Юра стал известным яхтсменом, чемпионом Украины по парусному спорту. Они продолжали дружить, и Юра иногда брал Стёпу в свой экипаж на яхтенные соревнования. Но, в душе Стёпа был всё-таки одиночкой, и в тайне от других, всегда

мечтал построить собственную яхту. И вот, наконец, мечта его начала приобретать реальные очертания.

Сидя в кабине длинномера, Стёпа уже придумывал и прикидывал, что нужно будет сделать, чтобы превратить это, несколько странное судно в двухмачтовую красавицу яхту. На меньшее он уже не был согласен. Когда длинномер, насаживая шинами гравий, затормозил у забора, казалось, что земля вздрогнула под его тяжестью. Сгружали быстро. Скрежет металла о металл, короткие матерные команды водителя, и вот — тяжелый глухой удар о землю, от которого в доме дрогнули стекла.

Когда грузовик уехал, воцарилась тишина, какая бывает только на окраинах глухого района. Стёпа стоял у забора. Над головой, раскачиваясь на проводах, включился тусклый уличный фонарь. Его желтоватый, болезненный свет падал на это железное чудо. Восьмиметровый стальной вельбот, списанный с сухогруза «Голиаф», занимал почти всё пространство между сараем и старой яблоней. Его бока, изъеденные ржавчиной и покрытые слоями старой суриковой краски, напоминали чешую доисторического зверя, выброшенного на берег волей случая.

Стёпа подошел ближе и положил ладонь на борт. Да, это не было похоже на яхту. Это был вельбот — довольно вместительная открытая спасательная шлюпка, выпотрошенная, ободранная, покрытая слоями старой, вспучившейся краски, похожей на кожу больного кита. В свете фонаря вельбот казался огромным железным гробом, который кто-то по ошибке выкинул посреди двора.

— Ты с ума сошел, — внезапно прозвучал голос отца из темноты дверного проема. Отец стоял на крыльце, накинув на плечи старый пиджак. Он не подходил ближе, словно боялся, что это железное чудовище может его укусить. Для него, человека, который каждый день бился за то, чтобы в доме была копейка, этот вельбот был символом безумия.

— Стёпа, для чего тебе это, — отец, наконец, сделал шаг вперед, указывая дрожащей рукой на шлюпку.

— Люди сейчас золото прячут, муку запасают. А ты привез во двор кусок ржавчины. Чем ты его кормить будешь? Соляркой? А нас чем?

Стёпа не оборачивался. Он чувствовал за спиной тяжелый, полный боли взгляд отца — взгляд человека, чей мир рушится, пока его сын строит декорации к какому-то фантастическому фильму.

— Это не ржавчина, папа, — тихо сказал Стёпа, и его голос в ночной тишине прозвучал удивительно уверенно.

— Это мой выход.

— Выход куда?! — сорвался отец. — В Днепр? Да тебя инспекция на первом же повороте арестует. У неё же ни одной бумаги, ни одного документа, только дыры!

Стёпа наконец повернулся. Под светом фонаря он казался еще выше, его тень накрывала половину двора и саму шлюпку. Он спокойно посмотрел на отца.

— Она будет парусной, — сказал он. — Двухмачтовой. Я сам всё сварю. Мы пойдем в Турцию, будем катать туристов и будем сыты.

Отец только горько усмехнулся и плотнее запахнул пиджак.

— В Турцию на спасательной шлюпке... Ты в своём уме? Ты бы лучше о пшенице так думал, как об этой железке. Завтра в Одессу ехать, а он паруса считает.

Отец ушел в дом, хлопнув дверью, и свет в окне вскоре погас. Стёпа остался один. Он снова повернулся к вельботу. В темноте, когда фонарь перестал мигать и загорелся ровнее, шлюпка вдруг преобразилась. Он представил, какая она будет через полгода, и немедленно взялся за дело.

Глава 2 Строительство во дворе

Прежде всего, Стёпа вооружился фонариком и полез осматривать своё судно изнутри. Он обстоятельно обследовал все внутренности лодки, стараясь обнаружить любые изъяны и повреждения. Затем он вытащил сварочный аппарат, и начал сварку кильблоков — основания, на которых можно было удобно расположить лодку и приступить к её реконструкции. Ещё с тех времён, когда они с отцом строили дом, у них оставалось какое-то количество стройматериалов, дерева и фанеры. Было также немного проката и листовой стали, так что, на первых парах, всё, что нужно, было у него под рукой.

Но начинать нужно было с чертежей. И он засел за книги, сделал основные обмеры лодки, и нарисовал на миллиметровке эскиз яхты, как он её представлял в своих мечтах. И с этим рисунком он радостно отправился в яхт-клуб к своему другу Юре. Друг встретил его в эллинге, где стояли холеные спортивные суда, сверкающие свежим лаком. На их фоне идея превратить старый спасательный вельбот в океанскую яхту выглядела как минимум странной. Юра посмотрел внимательно на чертёж, покачал головой и сказал, что это никуда не годится. Во-первых, необходимо разобраться с высотами мачт, затем нужно определить центр парусности и рассчитать вес киля. Потом приступать к более мелким вопросам, которых на двухмачтовой яхте чёртова уйма. Но впереди была самая главная проблема — паруса и рангоут. Яхтсмены знают что лодка без мачты — это просто баржа.

— Ты пойми, Стёпа, — Юра скептически разглядывал чертежи, набросанные Степаном на обрывке миллиметровки. — Парусный спорт — это расчеты, аэродинамика. У тебя центр парусности не известно где, мачты ты хочешь разнести черт знает как. Твой грота-гик будет торчать за корму на два метра! Ты хоть представляешь, как её будет крутить на ветру?

— Я её удержу, Юра, — упрямо ответил Стёпа. — Мне не для гонок. Мне чтобы дойти. Дай мне нержавейку, я отработаю.

Юра долго молчал, глядя на друга. Он знал эту черту в Степане — если тот вбил себе что-то в голову, он скорее гору сдвинет, чем отступит.

— Ладно, — вздохнул чемпион. — Есть у меня две старые мачты от списанного «Летучего голландца». И кое-какой такелаж в подсобке завалялся. Забирай. Но помни — в море документы не спрашивают, там шторм спрашивает, кто тебя строил. И если ты ошибся в сварке хотя бы на миллиметр — море тебе этого не простит.

Стёпа кивнул. Он не боялся шторма. Он бояться остаться на берегу. В ту же ночь он нанял попутную машину и перевез мачты во двор.

Для начала Юра посоветовал Стёпе пойти в технологический институт и найти там заведующего кафедрой Евгения Запару.

— Он сам яхтсмен, и поможет тебе просчитать схему яхты.

Запара мельком взглянул на эскиз, удивился, но сказал, чтобы Стёпа зашёл дня через три, может быть, что-то путное и получится.

Тем временем, Стёпа занялся снабжением. Свободных денег у него практически не было, поэтому всё, что ему нужно было покупать, он старался приобретать в долг. Время было такое, что это как-то ему удавалось. Оставались ещё советские запасы. На лодочной станции давно валялись две старые дырявые спортивные яхты, которые ему разрешили окончательно разуккомплектовать.

Затем Стёпа побежал к Юре в яхт-клуб и стал кланчить у него нержавеющие детали такелажа, тросы, стопора, палубное оборудование (лебедки, блоки, погоны), такелаж (талрепы, скобы, карабины), элементы ограждения (рейлинги, поручни, стойки), люки, петли, замки, трапы и крепёж. Всё это он где-то собирал, ремонтировал, и подгонял. Не осталось ни одного

яхтсмена в городе, у кого бы он чего-нибудь не выпросил. Но Стёпа обладал невероятно упрямством, огромной физической силой и способностью к любому ручному труду.

Ровно через три дня, перед началом первой пары, Стёпа стоял перед институтом. Запара передал ему схему с размерами, и в дополнении сказал, что он лично, ни за что бы не взялся за такую затею, так как всё здесь рассчитано на пределе.

Стёпа получил всё, что хотел, а дополнение никак не могло охладить его пыл, скорее наоборот, только раззадорило его.

Как уже было сказано, Стёпа был человек дела, а дело это касалось его мечты, и работа закипела. Работал он, не зная отдыха, прерываясь только лишь на небольшой сон. Всё делал сам. Он был и сварщик, и маляр, и столяр, и слесарь и монтажник. Соседи, проходя мимо, с опаской поглядывали на его стройку, а некоторые, в разговоре между собой, крутили пальцем у виска — совсем парень мозгами поехал.

Постепенно двор Степана стал напоминать поле боя между индустриальной эпохой и частным сектором. Пока соседи по выходным обрезали виноград и обсуждали цены на сахар, Степан облачался в прожженную робу, которая со временем стала его второй кожей.

В эти дни жара стояла такая, что металл вельбота обжигал даже сквозь рукавицы. Степан подгонял стальные листы рубки, и визг болгарки разрезал полуденную тишину поселка. У низкого забора материализовался сосед, Михалыч. Он стоял, опершись на лопату, и с видом превосходства наблюдал, как Степан, окутанный снопом искр, «прикраивает» очередной лист железа к корпусу.

— Степа, ты мне весь малинник окалиной засыпал, — наконец подал голос Михалыч, когда болгарка на секунду смолкла.

— Слушай, я всё спросить хотел... — начал он с лёгкой иронией бывалого человека, — ты её когда доваришь, как этот утюг до воды тащить будешь? Тут до Днепра километров пять, не меньше. Она ж у тебя землю промнет.

Степан поднял щиток. Лицо было серым от металлической пыли, зубы сверкали неестественной белизной.

— На катках покатаем, Михалыч. Как пирамиды строили, помнишь. Ты бы лучше не за малину боялся, а за то, что когда я уплыву, тебе и обсудить-то во дворе будет некого.

— Уплывешь... — Михалыч сплюнул себе под ноги. — Куда ты уплынешь на этом корыте самодельном? Вон, в «Огоньке» писали — на верфях целые институты работают, чтобы яхту спроектировать. А ты тут на коленке, из списанного хлама. Ты ж инженер, Степа, должен понимать что сталь не прощает самодеятельности. При первом же шторме швы лопнут. Железо — оно для тракторов.

Степан молча провел пальцем по свежему, еще теплому шву. Он был ровным, как чеканка на дорогом оружии.

— Твои институты, Михалыч, строят, чтобы продать. А я строю, чтобы выжить. Есть разница. Твой трактор в землю врастает, а моя сталь будет соль резать.

— Ну-ну, — покачал головой сосед. — Гляди, Степа. Мечта — она как водка — если меры не знать, погубит. Жил бы как все люди. Стены вон в доме подшаманил бы, отцу помогал.

Степан не ответил. Он снова опустил маску, и яркая вспышка сварки на мгновение ослепила Михалыча, заставив того отпрянуть. Степан больше не слышал соседа. Для него сейчас существовала одна лишь эта цель, и он с удовлетворением ощущал, как хаотичный металл подчинялся его воле, постепенно приобретает жёсткие яхтенные формы, способные выдержать удар стихии.

Если корпус яхты был её телом, то киль должен был стать её опорой — тяжелым, непоколебимым грузом, удерживающим яхту в равновесии, когда океан решит перевернуть её вверх дном. Степану требовалось семьсот килограммов свинца. В стране, где дефицитом был даже

зубной порошок, такая гора цветного металла в частных руках могла потянуть на статью о хищении социалистической собственности.

— Степа, ты либо святой, либо каторжанин, — ворчал Михалыч, наблюдая, как во двор въезжает старый «Запорожец» отца Степана, просевший до самого асфальта. Степан молча открыл багажник. Внутри лежали мертвые, покрытые белесой окисью аккумуляторы. Десятки черных коробок.

— Где взял? — сосед подошел ближе, заглядывая в багажник с подозрением.

— На свалке АТП выменял на две бутылки «Пшеничной», — Степан вытирал черные от электролита руки тряпкой. — А те, что получше — у таксистов. Они их списывают, когда те первую зиму не выдерживают.

Весь следующий месяц двор Степана напоминал алхимическую лабораторию. В углу, под навесом, постоянно горел костер. В старом чугунном казане бурлил расплавленный свинец. Степан, замотанный в мокрую ветошь, с лицом, закрытым самодельным респиратором, вычерпывал шлак длинным половником.

— Ты же потравишься, дурень! — кричала с балкона жена Михалыча, накрывая таз с вареньем марлей. — У меня в горле от твоего дыма дерет! Свинец — это тот же яд!

Степан поднял на неё воспаленные глаза.

— Для меня свинец, тетя Люся, это остойчивость. Если я его сейчас не выплавлю, меня на хороших волнах болтать будет как поплавок. А яду в нашем воздухе и без моего костра хватает — вон, заводы как копят. А вы же варенье кушаете, не травитесь.

Он аккуратно заливал горячий металл в стальную форму, приваренную к днищу вельбота. Свинец шипел, соприкасаясь со сталью, и этот звук для Степана был слаще любой музыки. Он строил свою яхту из мусора, из того, что общество выбросило за ненадобностью. Когда последняя порция металла была залита в форму и киль надежно «утяжелил» лодку, Степан просто сел на землю рядом с корпусом. Руки его дрожали, в легких стоял привкус металла, но он чувствовал, как центр тяжести его мира наконец-то сместился вниз. Теперь лодка получила корни. Теперь она не боялась ни ветра, ни волн.

— Слышь, Степа, — Михалыч подошел тихо, без своей обычной ехидцы. — Ты это... когда отплывать будешь, хоть свистни. Я тебе сала в дорогу дам. А то на одном свинце далеко не уедешь.

Степан посмотрел на соседа и впервые за долгое время рассмеялся. Стальной корпус вельбота, поглотивший семьсот килограммов ядовитого металла, ответил ему глухим, надежным гулом, словно подтверждая: «Я готов».

После этого Стёпа приступил к каюте. Для этого он удалил все банки и вместо них поставил усиленные шпангоуты. К шпангоутам привентил мощные подлегарсы, на которые установил каркас кают и все другие вставные части судна. Каркас каюты он обшил фанерой; фанерную крышу покрыл брезентом и несколько раз покрасил масляной краской. Носовую часть шлюпки накрыл палубой, на которой укрепил якорь и носовой фалинь, второй якорь укрепил на корме. На носу и на корме он установил мощные бушприты, сваренные из обрезков нержавеющей труб. Между стенками каюты и планширем оставил палубу шириной 150 мм.

Позади грот мачты он сформировал кокпит с банками для хранения всевозможного оборудования от газового баллона до верёвок, спасательного оборудования и прочего. Проверил и усилил мачты и краспицы. Собрал и установил весь такелаж.

Наконец пришло время приводить в порядок двигатель. Степан внимательно осмотрел штатный дизель «Чачек». Оказалось, что его не заводили уже много лет. Стёпа разобрал его до последнего винтика, и все части тщательно промыл соляной кислотой. Потом он собрал его, и установил на своё место в лодке. Наконец, настал день первого запуска.

— Ну, давай, — прошептал Степан, упираясь ногой в станину и с силой проворачивая тяжелый маховик. Первая попытка — тишина. Только сухой лязг металла. Вторая — глухой чих и облако сизого дыма, которое мгновенно окутало малинник Михалыча.

— ХАНА! — заорал Михалыч с той стороны забора. — Он взорвется! Беги Степа, беги!

Но Степан не бежал. Он снова налег на рычаг, вкладывая в это движение всю свою веру, всю свою злость на этот застывший мир. И вдруг «Чачек» отозвался.

Сначала это был неровный, захлебывающийся кашель, но через секунду дизель поймал ритм. «Тух-тух-тух-тух» — тяжелые, уверенные удары сотрясли землю под ногами. Почва во дворе задрожала, в серванте Михалыча зазвенел хрусталь, а с яблони посыпались недозрелые плоды. Михалыч, с опаской выглядывавший из-за забора только крутил пальцем у виска. Стёпа же, в этом грохоте он слышал не шум старого железа, а рокот океанского прибора.

— Ну Стёпа, это же не мотор. Это памятник советскому дизелестроению. Он тебя оглушит раньше, чем ты до первого порта дойдешь. Глянь на него — он же маслом плюётся!

Степан, весь в черной отработке, любовно погладил облупившуюся краску блока цилиндров.

— Он не плюётся, Михалыч. Он так дышит. Ты посмотри на этот металл — его, наверное, еще при Сталине отливали. В нем запаса прочности на три войны хватит. Он будет работать у меня и на мазуте, и на солярке, и на подсолнечном масле, если придется. Я его переберу, притру каждый клапан, и установлю мембранный фильтр. Он у меня будет работать лучше, чем швейцарские часы.

— Часы размером с комод, — хохотнул сосед. — Ну ты и маньяк, сосед, — прокричал Михалыч сквозь грохот. — Ты его хоть глушить-то умеешь?

Степан не ответил. Он положил ладонь на горячую головку цилиндра, чувствуя, как в двигателе пульсирует мощь.

К началу весны почти все работы были завершены, и судно стояло на стапелях готовое для спуска на воду.

Правда, яхта по виду была несколько странной, мачты были разнесены слишком далеко и грота гик выходил далеко за корму яхты. И из-за этого было ещё много всяких неудобств, которые когда-то имел в виду профессор Запара, и которые могли бы грозить серьёзными проблемами во время плавания.

Рубка выглядела несколько угловатой. Внутри салона Стёпа смог расположить четыре спальных места и небольшой складывающийся стол. Гальюна (яхтенного туалета) в яхте не было. Занавеской было выделено место, где было укреплено сиденье, и под ним стоял обыкновенный горшок. Камбуз состоял из обыкновенной двухкомфорочной плиты, которая была найдена на свалке, отремонтирована и тщательно выкрашена. Вся обшивка салона была сделана из многослойной фанеры. Также из отдельных листов фанеры был набран пол. Из спасательных средств были в наличии спасательный пробковый спасательный круг, пара спасательных жилетов и старая резиновая лодка (тузик). Корпус яхты был выкрашен в светло голубой цвет. Теперь его «корабль» окончательно перерос забор, и над районом частных застроек, выше яблонь и телеантенн, гордо поднялись два стальных шпиля. Осталось только крупными тёмно синими буквами написать на бортах имя яхты — «DREAM». И вот здесь Стёпа остановился. Дело в том, что рисовать и писать красиво он не умел. А это была важнейшая часть работы — красивое имя. Ведь как яхту назовёшь, так она и поплывёт.

Глава 3. Встреча на вернисаже.

Стёпа пошёл на вернисаж, где на бульваре под деревьями собирались городские художники. Побродив какое-то время между выставленными на продажу картинами, Стёпа обратил внимание на морской пейзаж с удаляющейся в голубую даль яхтой.

— Она не вернется, — раздался негромкий, чуть хриловатый женский голос.

Он поднял глаза от картины и увидел перед собой даму. Стёпа невольно вздрогнул. Перед ним стояла женщина. В ней не было той холодной холёности, которую он привык видеть у дам, прогуливающих в центре города. Тонкое лицо, внимательные, смелые глаза и испачканные в синей краске пальцы, которыми она поправляла выбившийся локон. В её облике была та же легкость и готовность сорваться с места, что и в её картине.

— Почему не вернется? — спросил Стёпа, басом перекрывая гомон вернисажа.

— Потому что тот, кто уходит в такую даль, ищет не дорогу назад, а себя нового, — она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли кокетства, только прямота.

— Я — Алла. Это моя работа.

Стёпа замялся, чувствуя себя неуклюжим медведем в лавке с фарфором. Он протянул ей свой листок.

— А я Степан. Я... я яхту построил. Стальную. Мне нужно имя написать на борту. Красиво, и чтобы издалека было видно. Юра, мой друг-яхтсмен, сказал, что здесь можно найти мастера.

Алла взяла листок, мельком взглянула на его корявый набросок и снова посмотрела на Стёпу — снизу вверх, как бы оценивая масштаб этого человека.

— Стальную? — снова переспросила она, и её глаза загорелись от любопытства — В такое время люди строят заборы вокруг дач, а вы — яхту? Сделаю, почему же нет. Это даже романтично.

На следующий день Стёпа одолжил у своего соседа старый «Москвич». Сначала он заехал в Троицкий собор, и взял с собой дежурного священника для освящения судна. Потом заехал на вернисаж, взял Аллу с красками и повёз их к себе домой. Пока священник, помахивая кадилом, ходил вокруг яхты и читал молитвы, а Алла делала разметку на бортах яхты, Стёпа соорудил из ящиков импровизированный стол. Водка, сало, огурцы, помидоры, зелень и три рюмки — вот всё, что было на столе. Священник отец Александр сказал три тоста, благословил яхту, и одну рюмку вылил на борт яхты, на котором красовалась изящная надпись «МЕЧТА», причём горизонтальная палочка от буквы «А», напоминала платок, трепещущийся на ветру.

День спуска назначили на субботу. Поселок гудел. Всем хотелось лино удостовериться — поплывёт, или утонет. К воротам Степана сошлись все, от пацанов на велосипедах до глубоких стариков, которые помнили еще довоенные баржи. Огромный трейлер с платформой, нанятый за немислимые деньги и несколько канистр «левой» солярки, стоял у забора, перегородив дорогу. Степан, бледный, с темными кругами под глазами, в последний раз проверял стропы.

— Ну что, Степа, — Михалыч подошел, похлопав ладонью по крашеному борту, который теперь сиял на солнце темно-синим гляncем. — Красиво покрасил. Блестит, как игрушка. Только свинец-то твой... не потянет ли он её ко дну сразу? Глянь, какая махина. Семь тонн стали. Как она в воде-то держаться будет?

— По ватерлинии будет держаться, Михалыч, — отрезал Степан. — Я каждый сантиметр объема считал по ночам, пока ты храпел.

Когда кран начал медленно поднимать «DREAM», толпа затаила дыхание. Яхта медленно поплыла над заборами, над яблонями, над малинником Михалыча. В воздухе она казалась неестественно огромной, как инопланетный корабль, случайно оказавшийся в советском част-

ном секторе. Все соседи проследовали за трейлером в яхт-клуб. Всем хотелось видеть «позор» или «триумф» сумасшедшего инженера.

Юра командовал на причале, держа в руках бутылку шампанского. Бутылка, привязанная к фалу, разбилась о стальной форштевень с первого удара — добрый знак. Пена стекала по металлу, и в этот момент кран ослабил стропы. «МЕЧТА» коснулась воды. Сначала она глубоко просела, вытолкнув тяжелую волну, и толпа на берегу охнула — «Тонет!». Но через секунду стальной корпус спружинил, качнулся и замер, гордо выставив из воды ровно столько борта, сколько было заложено в чертежах. Она сидела в воде как влитая — мощная, хищная и абсолютно уверенная в себе.

— Гляди-ка... плывет, — ошарашенно пробормотал Михалыч, снимая кепку. — Плывет, зараза железная...

Степан спрыгнул на палубу. Он чувствовал через подошвы сапог, как лодка ожила. Это больше не был мертвый металл во дворе. Теперь это было живое существо, которое дышало вместе с рекой. Он подошел к лееру и посмотрел на толпу соседей на берегу.

— Ну что, Михалыч! — крикнул он. — Скоро в Херсоне буду. А ты огурцы поливай, не забывай!

Степан завел «Чачека». Дизель отозвался мгновенно, выплюнув облако черного дыма и наполнив воздух уверенным, тяжелым ритмом. Степан положил одну руку на румпель, другой дал передний ход, и его мечта стала реальностью. Он развернул лодку носом к фарватеру, оставляя позади пыль Днепропетровска, скепсис соседей и свою прошлую жизнь.

К этому времени встал вопрос о подборе экипажа. Первым, к кому Стёпа пришёл с предложением стать катальщиком в Турции, был Юра, но тот сразу отказался, так как человеком он был бывалый, и смотрел на такой бизнес в чужой стране и практически без документов, крайне пессимистически. Отказались также и другие яхтсмены.

Тогда Стёпа уговорил двух каких-то случайных людей, пообещав, что те будут бесплатно жить, купаться и загорать на лучших курортах Средиземноморья, и кормить и поить он будет их за свой счёт. В то время было много безработных, не знающих где себя применить, и эти двое были одними из таких людей. К тому же, они никогда не имели дело ни с морем, ни с яхтами.

В начале апреля лодку спустили на воду, Юра нашёл какие-то старые паруса, перешил их, подогнал кое-как, провели испытания и к концу апреля Стёпа со своей необученной командой вышел из Днепропетровска в сторону Чёрного моря и далее, к вождленным берегам Турции.

С деньгами у него было как всегда плохо — у отца он занял 25 долларов, и ещё мешок перемолотой пшеницы, которой они должны были питаться на пути до Стамбула. Это всё. А что далее? — А далее он был уверен, что как только они достигнут берегов Турции, всё закрутится само собой, пойдут доллары и они будут сыты и довольны и счастливы.

Вначале всё складывалось сравнительно неплохо. Через 5 дней непрерывного плавания они вышли в Чёрное море, но ещё через три дня морского плавания, когда команда немножко разобралась в ситуации, и поняла, куда её затаскивают и чем её собираются бесплатно кормить, подняла бунт. Стёпа кое-как подошёл к болгарскому берегу, высадив свой экипаж на землю, отдал им свои 25 долларов, и пошёл на яхте в одиночку назад в Днепропетровск. Что ему пришлось вытерпеть на этом пути, только он один знает.

Глава 4. Новый курс — Америка.

Недели через две Стёпа появился в яхт-клубе, и выглядел он как побитая собака. Вернулся домой к отцу. Тот и этому был рад. Надеялся, что это приключение прочистило сыну мозги, и он, наконец, займётся серьёзным делом. И Стёпа действительно стал снова помогать отцу.

Но дело этим не закончилось. Через несколько дней Стёпины ноги сами собой привели его на вернисаж. Аллу он увидел издалека. Она стояла на том же месте, рядом с той же картиной.

— Куда же вы сейчас собираетесь на своей «МЕЧТЕ», Степан?

Стёпа набрал в легкие воздуха, словно перед прыжком в воду, и произнес то, что до этого решался говорить только самому себе в темноте двора:

— В Америку. Через Атлантику.

Вокруг них продолжали торговаться за картины, кто-то смеялся, кто-то спорил о ценах на хлеб. Но для этих двоих мир внезапно сузился до размеров яхты. Алла не рассмеялась. Она не назвала его сумасшедшим, как отец. Она лишь внимательно посмотрела на его почерневшие от мазута руки, на широкие плечи и на ту самую картину с уходящей в небо яхтой.

— А художник вам на борту не нужен? — вдруг спросила она, и в её голосе зазвучал вызов. — Писать имя это скучно. А вот увидеть ту синеву, которую я всю жизнь только вообразала...

Стёпа замер. Он пришел за маляром, а нашел человека, который чувствовал тоже, что и он.

— У меня из еды только мешки с пшеницей и глобус вместо навигатора, — честно предупредил он.

Алла легко рассмеялась и сложила кисти в старый этюдник.

— Пшеница, по крайней мере, полезна для цвета лица. А глобус... Что ж, на нем вить нет границ. Когда отплываем?

Это было удивительно. Алла оказалась женщиной, невероятно лёгкой на подъём. Она долго не раздумывала — в Америку, так в Америку, на яхте, так ещё романтичнее.

Сборы были не долгие. Алла быстро распродала всё, что смогла из своего немногочисленного имущества, наторговала около 120 долларов. Стёпа взял у отца пять мешков дроблёной пшеницы и 50 долларов наличностью. Из навигации у них были какие-то разрозненные карты, компас и тот самый школьный глобус. С такими активами в начале лета они отчалили из Днепропетровска в сторону Америки. Прямо перед выходом из яхт-клуба Алла взяла краски, загрузила название «МЕЧТА», и написала на этом месте новое имя «DREAM».

За два дня спокойного плавания они прошли до Запорожья, и спустились вниз на тридцать девять метров в грандиозном запорожском шлюзе. Вид Запорожья с форватера Днепра был очень необычный. Алла, сидя в кокпите, делала быстрые зарисовки острова Хортица и кораблей, стоящих на стоянках в небольших затоках. К середине дня они подошли к Лысогорке — раю для водоплавающих птиц. Алла предложила остановиться здесь хотя бы минут на десять, забраться на гору и полюбоваться открывающимися видами. Стёпа согласился и направил яхту по узкой протоке среди камышей, привязал яхту к дереву под крутой горой. Алла легко соскочила на берег с носа яхты и быстро вскарабкалась на самый верх горы. Здесь её взору открылся вид на двадцать километров вокруг. На вершине росли огромные столетние дубы, и отсюда начиналось Каховское водохранилище, и ощущался потенциал Днепра. Алла не удержалась, и сделала эскиз панорамы. Через полчаса яхта вошла в верхнюю, мелководную часть Каховского водохранилища. Здесь нужно было идти стого по прорытому по дну каналу,

границы которого обозначались красными и чёрными буями. На горизонте появились чуть заметные опоры линии электропередачи, затем очертания энергоблоков Запорожской атомной станции. Яхта «DREAM» прошла Энергодар и взяла курс на мыс противоположного берега, где постепенно, в дымке, стал проявляться Никополь. Здесь они первый раз пополнили запасы продовольствия и воды. Кроме того, они узнали, что слухи об их путешествии распространяются быстрее их неспешного хода. Никопольские яхтсмены успели подготовиться к встрече. Их накормили, напоили, и в подарок они получили трофейный немецкий артиллерийский бинокль, запас свежих шкотовых верёвок, старый надёжный корабельный компас, набор морских карт по Чёрному морю, судовой билет от старой списанной яхты с таким же названием и старую речную рацию. Погода стояла прекрасная, ярко светило солнце, и всё располагало к дальнейшему приятному переходу.

Ранним утром они вышли из Никопольского яхт-клуба, подняли все паруса и направились к повороту Каховского водохранилища. На левом мысу расположилось известное всем яхтсменам Каховки селение под названием Бабино. А известно оно было тем, что вблизи этого селения, Каховка (Каховское море) обычно показывало свой крутой нрав. Так было и в этот раз. Сначала погода убаюкивала интеллигентным ветерком, и ближе к Бабино ветер вообще пропал, и минут двадцать стоял полный штиль. Потом стало потихоньку поддувать, затем ветер засвистел в вантах, и вода словно закипела, и стало ясно, что если немедленно не снять все паруса, от них останутся одни лишь клочья. Стёпа успел сбросить грот, передал румпель Алле, крикнув, чтобы она держала яхту против ветра. Сам он сбросил стаксель шкоты, и на коленях стал пробираться сквозь ураганный порыв к фок-мачте. Освободив фал, он изо всех сил пытался стянуть стаксель вниз со штага. После нескольких невероятных усилий это ему удалось. Минут через десять буря закончилась, и опять весело засияло солнце. Это было первое серьёзное испытание «DREAM».

Глава 5. Советы морского волка

Херсон встретил их жарой и толпами народа на набережной. Стёпа пришвартовался в самом глухом углу третьего затона, за плотной стеной камыша, подальше от любопытных глаз. Яхта, с её странным силуэтом и гиком, торчащим далеко за корму, как хвост доисторического ящера, привлекала слишком много внимания. Чтобы «DREAM» без документов дошла хотя бы до Варны, ей нужно было сначала вырваться из Украины, что в 94-м году было задачей довольно не простой. Херсон — это ворота в море, город моряков и контрабандистов, где законы писались на ходу.

В прокуренном кабачке у самого берега, где собирались отставные боцманы и сомнительные дельцы, Стёпа нашел человека по прозвищу «Митрич». О нем ему рассказали ещё в Никопольском яхт-клубе. С виду Митричу было лет под 80. Он когда-то служил боцманом на знаменитом трёхмачтовом парусном судне «Товарищ-2». У него также была своя самодельная яхта, которую он ставил на стоянку здесь же, в третьем затоне. Митрич знал Днепровский лиман как свои пять пальцев, и его здесь все знали как облупленного.

— Значит так, инженер, говоришь — Митрич ткнул заскорузлым пальцем в Стёпин школьный глобус, едва сдерживая смех.

— С этой игрушкой ты разве что до ближайшей мели дойдешь. Пограничники сейчас злые, купоны у всех кончаются, будут трясти за каждую заклепку. У тебя из документов только честное слово.

— И пять мешков пшеницы, — добавила Алла, невозмутимо делая набросок профиля Митрича в блокноте.

Митрич строго посмотрел на женщину и сплюнул на пол.

— Пшеница это неплохо. Сейчас и это валюта. Слушай сюда. На Очаков в лоб не иди. Там радар. Иди камышами, к фарватеру не приближайся. После острова Первомайского брось якорь и жди, когда пойдет грузовая баржа на Одессу. Притирайся к её борту так, чтобы на их радаре вы слились в одну точку. И огни гаси. Совсем гаси. Пройдешь Очаков — держись Кинбурнской косы. Там мели, патрульные катера туда не сунутся, а ты на своем «железном гробу» проскочишь.

— А таможня? — спросил Стёпа.

— А таможни в море нет, она останется в Очакове — ухмыльнулся старик. — В море есть только твоя наглость. Главное — выскочить в нейтральные воды до рассвета. А там ты уже не нарушитель, там ты — «иностранный судно в пути».

Той же ночью они вышли из затона. Стёпа стоял за румплем, вглядываясь в темноту до боли в глазах. «Чачек» глухо постукивал, работая на самых малых оборотах. Когда мимо них, обдавая волной и запахом мазута, тяжело проползла гружёная углём баржа, Стёпа притерся к её стальному боку почти вплотную. Алла сидела на палубе, прижавшись к мачте, и видела, как в паре сотен метров от них равнодушно скользнул по воде луч пограничного прожектора. Они были невидимы — маленькая стальная искра в тени угольной горы. К рассвету они уже миновали остров Березань и встали на курс на Болгарию. Мутноватая речная вода сменилась изумрудной черноморской солёной водой. Степан стоял на руле, чувствуя, как меняется походка лодки. На реке она шла ровно, как тяжелый грузовик по шоссе. Здесь же, на просторе, появилась иная динамика — длинная, ленивая зыбь подхватывала стальной корпус, проверяя его на прочность.

— Ну что, «DREAM», — прошептал Степан, поглаживая деревянную рукоять румпеля. — Вот мы и вышли.

Алла сидела на палубе, обхватив колени руками. Её светлый шарф теперь не просто развевался, он бился на ветру, как раненая птица. Она смотрела на горизонт, где небо срасталось с водой в одну бесконечную серую линию.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — там, на берегу, она казалась огромной. Почти пугающей. А сейчас... сейчас она кажется такой маленькой. Всего лишь крупинка в этой бездне.

Степан кивнул. Он чувствовал то же самое.

— В этом и есть смысл. Паруса дают нам шанс. Но море решает, воспользуемся мы им или нет.

Ветер постепенно крепчал. Пришло время менять паруса и брать рифы. Это был сложный момент — Степан проектировал вооружение сам, черпая знания из старых книг и журналов «Катера и яхты». Он стоял на палубе, которая теперь ощутимо кренилась.

— Старайся держать курс острее! — крикнул он Алле, передавая ей штурвал. — Не давай носу рыскать!

Он начал снимать грот. Тяжелый дакрон, сшитый на старой подольской машинке, сопротивлялся, хлопал, пытаясь вырваться из рук. Пальцы Степана, привыкшие к металлу, теперь учились чувствовать натяжение концов. Когда парус наконец наполнился ветром, «DREAM» вдруг совершила рывок вперед. Дизельный гул «Чачека» ушел на второй план, сменившись свистом ветра в вантах и шипением пены у форштевня. Это был первый штормовой день. Черное море не стало церемониться с новичками. К ночи волна поднялась до двух метров. Короткая, злая, она била в стальной борт яхты с глухим звоном, похожим на удары кувалды.

Первые сто миль были обманчиво легкими. Но когда берег окончательно растаял в дымке, пространство на «DREAM» начало стремительно сжиматься. Внезапно выяснилось, что яхта — это не только символ свободы, но и тесная металлическая коробка, где от личного пространства остается лишь узкая койка. Степан привык к одиночеству мастера. Во дворе он был абсолютным монахом — его воля гнула сталь, его руки оживляли дизель. Теперь же ему приходилось делить свой мир с Аллой.

— Степа, здесь везде мазут, — сказала она на третий день, пытаясь оттереть пятно с переборки. — Я нашла каплю даже на своей подушке.

Степан, не отрываясь от штурвала, устало потер глаза.

— Это «Чачек», Алла. Он дышит маслом. Ты хотела романтики Океана? Вот она — пахнет соляжкой и ветошью. Привыкай.

Она промолчала, и это молчание было тяжелее штормового предупреждения.

Трансформация Аллы происходила мучительно. Сначала она пыталась готовить на качающемся примусе, как на домашней кухне, расставляя тарелки и надеясь на уют. Но море быстро объяснило ей правила. Первая же волна от проходящего танкера отправила её ужин на пол, а тарелки — в дребезги.

— К черту фарфор, — глухо произнесла она, глядя на осколки.

На следующий день она достала эмалированные кружки и обрезала свои длинные ногти, которые мешали ей хвататься за леера. Степан наблюдал за этим с тяжелым сердцем. Он видел, как море слой за слоем снимает с неё налет городской изнеженности, обнажая стальной стержень, о наличии которого она, возможно, и сама не подозревала.

Изменения в их отношениях происходили через общую работу. Однажды ночью, когда Степану нужно было рифить паруса под внезапным шквалом, он бы не справился один.

— Держи курс! — крикнул он ей, перекрывая рев ветра. — Просто держи эту стрелку на сорока градусах! Не смотри на волны, смотри только на компас!

Алла вцепилась в румпель. Её костяшки побелели, лицо было мокрым от брызг, а в глазах застыл первобытный ужас. Но она не бросила пост. Когда Степан, мокрый с головы до ног,

закончил работу и вернулся в кокпит, он увидел, что она дрожит, но «DREAM» идет ровно. Стёпа подошел и просто положил свои тяжелые, пахнущие соляжкой ладони поверх её рук на штурвале. Это была не влюбленность двух интеллектуалов, а безмолвное признание двух выживших.

— Ты молодец, — тихо сказал он.

Она подняла на него глаза, и в них уже не было страха. Была усталость и странное, суровое спокойствие.

— Я всё поняла, Степа.

С этого дня мазут перестал быть её врагом. Алла научилась различать оттенки работы дизеля по звуку, а Степан начал замечать, как её присутствие смягчает суровость их быта. Она привнесла в стальную коробку запахи сушеных трав и ритм песен, которые напевала во время вахт. Они постепенно переставали быть «инженером и музыкой». Они стали парой шестеренок в одном механизме. Теперь, когда «DREAM» шла вперед, она несла на себе не двух пассажиров, а единый экипаж, где каждый знал — если один отпустит штурвал, другой подхватит его раньше, чем лодка почувствует слабость.

Той ночью шторм, наконец, выдохся, оставив после себя лишь тяжелую, изнурительную зыбь. «DREAM» мерно раскачивалась на невидимых волнах, и каждый её наклон отзывался тихим скрипом такелажа и далеким, приглушенным рокотом «Чачека». Степан спустился в каюту, едва переставляя ноги от усталости. В каюте было тесно и пахло неистребимым запахом соляжки, который стал их общим парфюмом. Алла не спала. Она лежала на узкой койке, укрывшись колючим шерстяным одеялом, и смотрела на отблески масляной лампы, танцующие на стальных ребрах шпангоутов. Степан сел рядом, чувствуя, как гудят мышцы. Его руки, огрубевшие от тросов и обожженные сваркой, казались ему здесь, в полумраке, неповоротливыми обломками скал.

— Мы живы, Степа, — прошептала она, протягивая руку и касаясь его ладони.

Её пальцы были холодными, но в этом касании было столько отчаянной жизни, что Степан почувствовал, как его внутренняя броня, которую он ковал годами во дворе под Днепропетровском, дает трещину. Он привлек её к себе.

Близость на маленькой яхте в открытом море не похожа на близость в мягкой постели городской квартиры. Здесь нет тишины — за тонким слоем стали шумит бездна, а лодка постоянно напоминает о себе живым, ритмичным вздрагиванием. Но именно это делало их объятия предельно страстными.

Когда его губы коснулись её плеча, он почувствовал вкус соли — горький и терпкий. Алла прижалась к нему, и её хрупкость в этот момент стала его главной силой. В этом замкнутом пространстве, среди гаек, тросов и чертежей, её тело было единственным, что не подчинялось законам механики. Оно было теплым, податливым и бесконечно нежным. Степан осторожно гладил её по волосам, боясь повредить эту хрупкость своими рабочими руками. Но Алла сама потянула его на себя, заставляя забыть о осторожности. В её движениях была та же жадность, с которой они оба вдыхали воздух после шторма — жадность людей, осознавших, как легко всё может закончиться.

Металл переборки за их спинами был холодным, но они не чувствовали этого. Для Степана ритм её дыхания слился с ритмом дизеля, создавая единую, мощную пульсацию. Это была и страсть и стремление двух душ слиться в один монолит, чтобы противостоять равнодушию океана. В ту ночь «Against the Current» обрело для них новый смысл. Идти против течения — значит сохранять в себе нежность, когда вокруг только ледяная вода и жесткая сталь. Близость стала их тайным топливом, их личным солнцем, которое светило в самом сердце железного вельбота.

Вдруг опять в рубке всё ожило. Ненадежно закрепленная посуда посыпалась на пол, керосиновая лампа раскачивалась, отбрасывая безумные тени. Степан стоял в кокпите, широко расставив ноги, пытаясь удержать лодку против волны. Лицо его было мокрым от соленых брызг, которые обжигали глаза.

— Вода! — крикнула Алла из каюты. — Степа, под пайолами вода!

Сердце Степана застучало тревожно. Неужели шов? Неужели он где-то недоглядел, и его сварка дала течь в первый же день?

— Качай! — крикнул он, не бросая штурвала. — Ручной помпой, быстро!

Он не мог уйти с поста. Море проверяло его и его судно на прочность. В эту ночь Океан доказал ему, что предстоящий маршрут это постоянное напряжение, это физическая боль в плечах, это страх в глазах любимой женщины и это бесконечный, выматывающий бой за право не пойти ко дну.

Через час выяснилось, что течи нет — просто через неплотно задраенный носовой люк захлестнуло волну. Но этот час стоил Степану нескольких лет жизни. Когда море к утру успокоилось, он сидел на палубе, глядя на восходящее солнце. Его руки дрожали, а губы были горькими от соли. Он смотрел на свои ладони. Мозоли от сварки теперь дополнялись глубокими порезами от снастей. Сталь и соль. Это были первые жертвы, которыми он платил Океану.

Глава 6. Болгарские берега и Босфор.

На рассвете они увидели болгарское побережье. После серых вод лимана и бесконечной качки Черного моря, Золотые Пески казались другой планетой. Повсюду высились белоснежные отели, а на рейде покачивались яхты, рядом с которыми судно Стёпы выглядело как железный уют, по ошибке забытый на витрине ювелирного магазина.

— Стёпа, смотри, какие там люди! — Алла, прищурившись, рассматривала в старый бинокль набережную.

— Там дамы в шляпах и кавалеры в белых брюках. А мы... мы в чем пойдём?

Стёпа критически осмотрел себя — засаленные шорты и тельняшка далеко не первой свежести.

— Не беспокойся, дорогая, что-нибудь придумаем. Мы пойдём как покорители океана. Они нам ещё позавидуют.

Проблема была в том, что «покорители» очень хотели есть. Пшеничная каша на воде, которую они ели последние три дня, уже стояла поперек горла. Нужно было срочно раздобыть «нормальную» еду, но тратить драгоценные доллары в первый же месяц пути Стёпа был не намерен.

Когда же «DREAM» через несколько часов подошла к Варне, Стёпа и Алла выглядели как персонажи из фильма про кораблекрушение. Лица их обветрились, одежда просолилась, а желудки требовали чего угодно, только не вареной пшеницы.

— Мы не можем просто так зайти в порт, — сказал Стёпа, рассматривая в бинокль сверкающие отели Варны. — У нас нет ни флага, ни «отхода», ни денег на портовые сборы.

— Тогда мы станем «легендой», — решила Алла. — Мы встанем на якорь прямо напротив самого дорогого пляжа.

Так они и сделали. «DREAM» замерла на якоре в полумиле от берега, вызывая голубую и угловатую на фоне бирюзовой воды. Стёпа спустил надувной тузик, погрузил в него два ведра крупы и Аллу, которая надела свою лучшую, и единственную широкополую шляпу — именно ту, которую она надевала на Днепропетровский вернисаж.

На берегу немедленно появился болгарин в форме охранника, который поначалу хотел их прогнать, но Алла, сойдя на песок, сразу принялась расставлять свои холсты прямо на гальке.

— Это перформанс! — громко объявила она по-французски, заметив группу туристов из Бельгии. — Экологическое искусство! Путь зерна из степей Украины к сердцу Европы!

— Эй, парень! Здесь частная зона! Штраф плати! — не унимался болгарин.

Стёпа посмотрел на него сверху вниз.

— Друг, какой такой штраф? Я — капитан дальнего плавания. У нас на борту гуманитарная миссия. Обмен опытом. Смотри, какая пшеница! Экологически чистая, из самого сердца Украины. Это реклама для вашего отеля. Хочешь порцию здоровья?

Спасатель опешил. В это время вокруг них начала собираться толпа скучающих на берегу туристов. Алла, быстро сориентировавшись, разложила на песке пару своих натюрмортов.

— Выставка-продажа! — объявила она. — Картины за фрукты, крупа за колбасу!

Откормленные немецкие и скандинавские туристы, уставшие от отельного однообразия, увидели в этих двух «дикарях» настоящее приключение.

— О, натюрлих, натюрлих! Пшеница! — воскликнул пожилой немец и протянул Стёпе огромную корзину с персиками и бутылку вина.

— Это экзотик! Реал литл боат!

Через час Стёпа и Алла сидели на песке, окружённые горой продуктов. У них были болгарские помидоры размером с кулак, связки брынзы, свежий хлеб и даже две палки сухой кол-

басы. В обмен Стёпа торжественно отсыпал туристам пшеницу прямо в их пляжные сумки, повторяя тезис о пользе цельного зерна, на смеси русского и украинского, и английских терминов из мореходки.

— Стёпа, — шепнула Алла, пытаясь справиться с сочным персиком, — похоже, у нас есть шанс пересечь Атлантику. Мы просто скормим им всю нашу крупу!

Вечером, когда они возвращались на яхту под завистливые взгляды владельцев пластиковых катеров, стоявших неподалеку, Стёпа вдруг остановился. На набережной играл оркестр, в окнах ресторанов горели огни. Он посмотрел на свой вельбот, который сиротливо качался на волнах под светом звезд и вздохнул.

— Ты знаешь, все не так уж и безнадежно, как казалось утром. Жизнь полна неожиданностей — не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

Они поднялись на палубу «DREAM», чувствуя себя настоящими триумфаторами. Ночью, засыпая под лёгкий плеск волн, Стёпа уже планировал следующий переход.

К Босфору подошли после полуночи. Стамбул открылся им как бесконечная стена огней и гул судовых двигателей. Стёпа осторожно продвигался к берегу, туда где ощущалась граница огней. К рассвету они подошли к берегу. Это была рыбацкая деревня Анадолу Кавагы — место, где Босфор вытекает из Черного моря. Стёпа завел «DREAM» в крошечный затон, притиснувшись между двумя ярко-красными рыбацкими сейнерами. «Чачек» издал прощальный чих и замолк. Это была последняя остановка перед выходом из пролива в открытое Черное море, и здесь до сих пор сохранился дух старой рыбацкой Турции.

Здесь Босфор сужается, и именно здесь веками контролировали проход судов. Прямо над деревней на горе возвышались руины огромной генуэзской крепости. С этих руин открывается фантастический вид на стык пролива и моря — тот самый «голубой простор», который так мечтала увидеть Алла. До недавнего времени это была закрытая военная зона, поэтому деревня сохранила очень архаичный, «нетуристический» вид. Старые деревянные причалы, развешанные сети и небольшие мастерские по ремонту лодок — идеальное место, чтобы Стёпа мог сойти за своего среди местных механиков.

— Отстойник полный, — Стёпа вытер лоб замасленной ветошью. — Дальше на этом компоте не пойдем. Нужно чистить фильтры и искать нормальный дизель.

Стёпа выбрался на деревянный причал. В двух шагах от него сидел турок и спокойно смотрел на диковинную шхуну. На нем были широкие шаровары и выцветшая фуражка. Он долго смотрел на голубые борта «DREAM», потом на Стёпины огромные руки.

— Rus? — спросил он, прищурившись.

— Ukraina. Dnipro, — ответил Стёпа, похлопав по борту. — Дизель — kaput. Фильтр — грязь.

Турок понимающе кивнул, — Ахмет — он ткнул в себя крючковатым пальцем, и жестом пригласил в свою мастерскую, которая располагалась в скале. Увидев, что Стёпа погружается в привычный мир железа, Алла, вооружившись словарем и этюдником, решила подняться к крепости Йорос, чьи суровые башни нависали над деревней.

— Стёпа, я пойду наверх, — сказала она, поправляя шляпу. — Оттуда видно сразу два моря. Я должна это зарисовать.

Дорога к крепости шла круто вверх мимо старых кладбищ и кустов шиповника. Добравшись до вершины, Алла замерла. Перед ней открылась панорама, от которой кружилась голова: узкая горловина Босфора, зажатая между Европой и Азией, и бескрайняя синева Черного моря, уходящая в бесконечность. Стены крепости Йорос, построенные еще генуэзцами, были сложены из огромных валунов, скрепленных временем. Алла присела на обломок колонны и начала рисовать, чувствуя, как ветер треплет страницы её блокнота.

Спустившись вниз через пару часов, она застала на причале странную картину. Вокруг Стёпы собралось человек пять местных рыбаков. На перевернутом ящике стоял медный поднос

с крошечными стаканчиками чая. Стёпа, с лицом, испачканным сажей, что-то горячо объяснял Ахмету, демонстрируя старые прокладки, болты и какие-то детали.

— Алла, смотри! — Стёпа сиял. — Ахмет подогнал мне английские форсунки! У него в заначке лежали, от старого катера. Теперь «DREAM» не пойдёт, а полетит!

Ахмет, заметив Аллу, торжественно преподнес ей пакет, завернутый в газету. Внутри была горячая, только что зажаренная рыба.

— Gözleme... Balık... (Лепешки... Рыба...), — проскрипел старик. — Хороший муж, мастер. Usta!

Два дня Стёпа ремонтировал старые рыбацкие моторы, а рыбаки угощали гостей знаменитой черноморской камбалой, калканом, и домашними овощами и фруктами. Пока Стёпа был занят техникой, Алла делала вылазки в Стамбул и осматривала основные достопримечательности. На третий день она уговорила Стёпу оставить яхту на попечение Ахмета и на один день «потеряться» в городе.

— Стёпа, мы не можем просто так проплыть мимо истории! — горячилась она. — Нам нужно увидеть нутро этого города, а не только его берега.

Стамбул буквально поглотил их. Они избегали лощенных отелей Султанахмета, Алла вела его в узкие, пропахшие кошачьей мочой переулки района Каракёй. Здесь, в лабиринте старых кирпичных складов, они наткнулись на крошечную лавку «Морских чудес». Внутри, среди ржавых якорей и медных водолазных шлемов, сидели люди и пили чай. Алла, вооружившись словарем, пыталась выяснить путь через Дарданеллы.

— Affedersiniz... (Извините), — начала она, тыча пальцем в страницу. — Tehlike... (Опасность).

Один из мужчин, в кожаной жилетке на голое тело, прищурился, глядя на Стёпу.

— Русские? — спросил он на ломаном английском. — Идете на юг? Без бумаг?

Стёпа напрягся, его кулаки невольно сжались. Но человек лишь усмехнулся и достал из-под прилавка потертую карту.

— Слушай сюда, гигант. Дарданеллы — это капкан. Там не только радары, там «глаза» везде. Если хочешь пройти — ищи «грязных» парней. Тех, кто возит сигареты из Греции. Они знают проходы под скалами у Чанаккале, где береговая охрана боится поцарапать борта своих катеров.

Он начертил на клочке бумаги схему течений у мыса Хеллес. Это была «тайная навигация» контрабандистов.

— И запомни — в проливе ты не судно, ты — щепка. Не пытайся спорить с течением, иди там, где вода бурлит у скал. Пограничники думают, что там мелко, но для твоего вельбота — в самый раз.

Выйдя из лавки, они забрели на Галатский мост. Сотни рыбаков стояли плечом к плечу, вытягивая из воды серебристую сардину. Алла купила у уличного торговца две порции «балык-экмек» — жареную рыбу в хрустящем батоне с луком и лимоном. Они ели стоя, глядя на то, как Золотой Рог медленно окрашивается в цвета спелого граната.

Вечером, возвращаясь к Ахмету, Стёпа нес за пазухой не только карту контрабандиста, но и тяжелый бронзовый иллюминатор, который он выторговал в лавке за Аллин быстрый набросок хозяина. Это была первая «настоящая» вещь для их будущего океанского дома.

Когда солнце спряталось за европейский берег, в мастерскую зашел человек, которого Ахмет представил как Селима. На нем была дорогая кожаная куртка, а на пальце сверкал брильянтом золотой перстень. Селим долго разглядывал чертежи Стёпы, которые тот разложил прямо на верстаке.

— Красивая птица, — сказал Селим на неплохом русском. — Но в Дарданеллах такую птицу быстро ощипят. Там пограничники смотрят не на паруса, а на то, что под палубой.

Он предложил Стёпе сделку. Селиму нужно было доставить «какие-то ящики» на греческий остров Лемнос.

— Мои катера слишком быстрые, их все знают, — Селим выпустил облако ароматного дыма. — А твой «утюг» никто не тронет. Пятьсот долларов, капитан. Прямо сейчас. Заправишься до самой Америки лучшей соляркой.

Стёпа замер. Пятьсот долларов в 94-м были целым состоянием. Он взглянул на Аллу. Та медленно перевела взгляд с Селима на «DREAM», качающуюся у причала. В её глазах была тревога.

— Моя лодка не для контрабанды, Селим, — медленно сказал Стёпа.

— Она для ветра. Если я один раз возьму твой груз, я навсегда перестану быть капитаном и стану извозчиком. А я строил её не для этого.

Селим усмехнулся, но в глазах его появилось уважение.

— Гордый... Ладно. За честность дам тебе совет. Пролив узок, течение здесь коварное, а пограничные вышки Чанаккале просматривают каждый метр воды. Завтра ночью пойдёт паром «Мармага». Он большой, вонючий и старый. Прижмись к его левому борту, когда он будет проходить узкое место у Чанаккале. Пограничники его ненавидят и никогда не проверяют. Пройдешь за ним — и ты в Эгейском море.

Подошёл Ахмет — Стёпа, дорогой, зачем тебе туда ехать? Живи здесь, работа есть, дом дам, живи здесь, что тебе там делать?

— Стёпа только покачал головой.

Ночью, когда они тихо отчаливали от гостеприимного причала Анадолу Кавагы, Ахмет сунул Стёпе в руку английский шплинт-ключ.

— Yolun açık olsun (Пусть твой путь будет открыт), — прошептал старик.

«DREAM» вышла в ночной Босфор, гася огни. Впереди были Дарданеллы — последнее препятствие перед большой водой.

Глава 7. Прорыв через Дарданеллы.

Дарданеллы темнели неприветливыми скалами. Здесь, на входе в пролив, вода бурлила, сталкиваясь в вечном споре между Мраморным и Эгейским морями. Стёпа приказал Алле уйти вниз, в каюту, и не зажигать даже крошечного светильника.

— Если нас увидят — это конец, — коротко бросил он, вглядываясь в горизонт через трофейный немецкий бинокль.

Наконец, из мглы показалось то, чего они ждали — паром «Мармага». Огромный, облезлый, он тяжело переваливался на волнах, изрыгая в небо густые клубы черного дыма. От него действительно за версту воняло то ли маслом, то ли углем, то ли и тем и другим вместе.

— Вперёд, — Стёпа резко толкнул рукоять газа.

«Чачек» взревел, и «DREAM», прыгая на попутной волне, начала сближение. Стёпа мастерски подвел вельбот к левому борту парома, туда, где от огромного корпуса падала густая, непроницаемая тень. Грохот двигателей «Мармары» полностью поглотил звук их маленького дизеля. Они шли так близко, что Стёпа видел ржавые заклепки на борту гиганта.

— Дистанция — пять метров! — прошептал он сам себе.

Когда они проходили мимо Чанаккале, береговой прожектор лениво скользнул по палубе парома, на мгновение ослепив Стёпу, но маленькая голубая яхта осталась незамеченной в «мертвой зоне» радара. Алла, сидя на полу каюты и прижимая к груди школьный глобус, чувствовала, как стальной корпус «DREAM» вздрагивает от вибрации огромных винтов парома.

Миновав узкость, «Мармара» дала гудок и начала забирать вправо, к причалу. Стёпа резко повернул влево, уходя в сторону открытой воды.

Рассвет застал их уже в Эгейском море. Огни Турции растаяли позади, а впереди, из нежно-розовой дымки, начали вырастать очертания первых греческих островов. Это было другое море — прозрачное, как слеза, и невероятно синее.

— Стёпа, смотри! — Алла вышла на палубу, шурясь от первого солнца. — Вода... она же светится!

Они заглушили мотор. Тишина была такой абсолютной, что слышно было, как капли утренней росы стекают с паруса. Стёпа опустил ведро за борт и вытянул его полным кристально чистой воды. Он умылся, чувствуя, как соль стягивает кожу.

— Всё. Мы в нейтральных водах, — тихо сказал он. — Теперь мы — свободные люди. Никто не спросит у нас паспорт посреди этой синевы.

Но свобода быстро напомнила о себе пустотой в желудке. От пшеницы в последнее время они отвыкли, и с ненавистью поглядывали на опостылевшие мешки. А до Америки еще было плыть и плыть.

На горизонте показался какой-то остров — суровый, скалистый, возможно окутанный легендами о боге Гефесте.

Глава 8. Греческий рай.

В Эгейском море их встретила стая дельфинов. Казалось, что они резвились, проныривая под яхтой и выпрыгивая из воды прямо под бушпритом. Алла кричала от восторга — «Привет греческим дельфинам от черноморских!». Она легла на палубу на баке, пытаясь дотянуться и погладить их бархатистую кожу. Вода здесь была не серой и мутной, как в Босфоре, а густого, чернильного цвета, который у берегов Киклад превращался в бирюзу.

— Степа, посмотри на это! — Алла стояла на баке, заслонив глаза ладонью. — Кажется, мы плывем в небе.

Степан кивнул, но его взгляд был прикован не к бирюзе, а к приборам. «Чачек» после многодневного перехода через проливы начал «подкашливать». Звук дизеля стал суше, в нем появился едва уловимый металлический цокот, который Степан чувствовал кожей через рукоять штурвала. Они бросили якорь в крохотной бухте острова Патмос. Белые домики карабкались по скалам, как стадо испуганных коз, а скалы днём раскалялись на палящем солнце.

— Здесь слишком тихо, — пробормотал Степан, глуша двигатель. — Океан не может быть таким ласковым без подвоха.

Подвох обнаружился на следующее утро. Когда Степан попытался завести мотор, чтобы сняться с якоря. «Чачек» ответил лишь коротким лязгом и замер. Маховик заклинило.

— Что случилось? — Алла заглянула в моторный отсек, где Степан, уже по локоть в черном масле, пытался провернуть вал вручную.

— Сдался наш чехословацкий друг, — Степан вытер пот со лба, оставив на нем жирную полосу. — Похоже, провернуло вкладыш. Босфор не прошел даром — работа на пределе в перегретом режиме дала о себе знать.

— Мы застряли? — в голосе Аллы послышалась тревога. Вокруг были только скалы, монастырь на вершине и пара рыбацких лодок на горизонте.

Степан ничего не ответил. Он начал разбирать двигатель. Это была «инженерная молитва» посреди рая. В тесном, раскаленном от солнца отсеке, где температура переваливала за сорок, он вынимал поршни, проверял шейки вала и ругался на всех языках. Ему не хватало запчастей, не хватало станка, не хватало даже нормального освещения. Но у него была надежда на себя и ярость в сердце. Он вспомнил, как во дворе под Днепропетровском вытачивал детали «на коленке».

— Алла, мне нужны твои волосы, — сказал он внезапно, выбираясь из люка.

— Что? — она удивленно посмотрела на него.

— Не пугайся, всего только пару прядей. Мне нужно прочистить тонкий масляный канал, а проволока его поцарапает. Твои волосы крепкие, как капрон, и гибкие. Это будет самый дорогой ремонт в истории греческого флота.

Весь день он колдовал над «Чачеком». Он притирал вкладыши вручную, используя мелкий песок с пляжа, протёртый до состояния пудры, и оливковое масло, купленное у местного монаха. Это был настоящий артистизм выживания. Когда солнце начало садиться, окрашивая белые стены монастыря в розовый цвет, Степан нажал на кнопку стартера.

Дизель чихнул, выплюнул струю сизого дыма, которая кощунственно окутала святые берега, и запел. Ровно, мощно, уверенно.

— Пойдем, — Степан вышел на палубу, чувствуя невероятную усталость и такое же невероятное торжество. — Нас ждут неведомые дали. Этот рай не для нас. У нас большие цели. Мы — сталь, и нам нужно движение.

Они уходили из бухты, когда над островом зазвучал колокольный звон. Но для Степана лучшей музыкой был ритмичный стук восстановленного дизеля. Он снова шел Against the

Current — на этот раз против энтропии, против износа металла и против искушения остаться в тихом раю навсегда.

Они шли между Кикладами — россыпью белых островов, которые на горизонте выглядели как застывшие в прыжке дельфины.

— Нам нужно зайти в какую-нибудь тихую бухту, — Стёпа развернул карту, подаренную в Стамбуле. — Пограничники в Греции не такие суровые, как турки, но если увидят наш глобус — со смеху помрут.

Они нашли укрытие в крошечной бухте на юге острова. Берега здесь состояли из белого известняка, а на скалах паслись дикие козы. Стёпа бросил якорь.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — Алла достала из сумки остатки сыра и горсть турецкого инжира. — Я нарисую этот остров. Мы назовем его «Остров Надежды».

Пока Алла рисовала, Стёпа снова залез в моторный отсек. Его не покидала мысль о словах Селима — «В океане нет магазинов». Ему нужно было проверить каждую трубку, каждый болт. Ведь впереди был бесконечный путь через всё Средиземноморье к Гибралтару — воротам в настоящий Океан.

После напряженного прорыва через Дарданеллы Эгейское море показалось им раем. Но солнце здесь жгло нещадно. Они уже давно не стеснялись друг друга. Алла порхала по палубе обнажённой, а на Стёпе из одежды была только одна соломенная шляпа.

Вода здесь была такого густого синего цвета, что казалось, если окунуть в неё белую рубашку, она навсегда останется голубой. — Стёпа, смотри, — Алла указывала на крошечный остров Икария.

— Там дома приклеены к скалам, как ласточкины гнезда. И всё белое! Почему всё такое белое?

— Чтобы солнце не сожрало, — рассудительно ответил Стёпа, подтягивая шкоты. — Белый отражает, черный поглощает. Физика.

Им нужно было пополнить запасы пресной воды. Они выбрали небольшую бухту на острове Лемнос, где у самой кромки воды стояла покосившаяся таверна с синими стульями. Как только стальной вельбот коснулся старого причала, из тени оливковых деревьев вышел старик в черной фуражке и с огромными усами. Это был Спирос, хозяин таверны и, по совместительству, владелец единственного на берегу ржавого пикапа.

— Yassas! (Здравствуйте!) — крикнул Спирос, разглядывая странное судно. — Tourist? Алла мгновенно раскрыла свой словарь.

— Ochi tourist... (Не турист). Navtikos! (Моряки!) — гордо ответила она, добавив из словаря: — Nero... (Вода). Phageto... (Еда).

Спирос уважительно окинул взглядом Стёпу, у которого плечи едва проходили в калитку таверны, и его лицо расплылось в улыбке. Греки уважают масштабных людей. Через десять минут они уже сидели за дощатым столом под виноградными лозами.

— Siga-siga... (Тихо-тихо, не спеша), — повторял Спирос, выставляя на стол тарелки.

На столе появилась классика греческого быта — огромная миска салата «Хориатики» с куском феты толщиной в ладонь, горьковатые маслины размером со сливу и «Дзадзики» — густой йогурт с огурцом и чесноком. Но главным хитом стал свежевывловленный осьминог, которого Спирос при них отбил о камни пятьдесят раз (для мягкости) и бросил на угли.

— Стёпа, попробуй это, — Алла подтолкнула к нему тарелку. — Это тебе не вареная пшеница. Это вкус античности.

Стёпа ел с аппетитом, но его взгляд то и дело возвращался к пикапу Спироса, который стоял у таверны с открытым капотом.

— Слушай, Спирос, — Стёпа встал и подошел к машине. — Твой мотор... он кашляет. Как старый осел.

Языковой барьер пал. Весь вечер Стёпа провел в нутре греческого движка. Он обнаружил, что Спирос вместо прокладки использовал кусок старого сапога. Стёпа вырезал новую из листа паронита, который всегда возил с собой, прочистил карбюратор и выставил зажигание.

Пока Стёпа, согнувшись в три погибели, колдовал над капотом его пикапа, Спирос не отходил ни на шаг. Он наблюдал и комментировал каждое движение Стёпы, размахивая руками так, будто дирижировал оркестром.

— Usta! (Мастер!) — восклицал он всякий раз, когда Стёпа вытирал мазут. — Смотри, Алла! Твой муж — это Гефест! Бог огня и железа!

Алла в это время устроилась на краю выбеленного парапета с этюдником. Она пыталась поймать ту самую «греческую синеву», но Спирос был гораздо более сложной натурой для изображения.

— Спирос, сидите смирно! — Алла помахала кисточкой, пытаясь заставить его замереть хотя бы на минуту. — Akinitos! (Не двигаться!)

Спирос замер, приняв картинную позу античного героя, выпятив грудь и положив руку на рукоять воображаемого меча. Но его хватало ровно на десять секунд. Как только вдали показывалась лодка или в таверну заходил сосед, он срывался с места, крича приветствия, и возвращался уже с новой порцией новостей или тарелкой оливок.

— Жизнь — это не картина, красавица! — смеялся он, подмигивая Алле. — Жизнь — это танец! Choros!

Когда Стёпа наконец захлопнул капот и мотор пикапа отозвался бодрым, чистым рыком, Спирос пришел в неописуемый восторг. Он вытащил из недр таверны бутылку «Узо» — мутной анисовой водки, которая при добавлении льда становилась белой, как молоко.

— Пей, мастер! Это сок богов! — Спирос наполнил стопки.

Стёпа, привыкший к суровой днепровской водке, осторожно пригубил напиток. Анисовый дух ударил в нос, а во рту разлилось лакричное тепло.

— Крепкая штука, — крикнул Стёпа. — С такой и соларка не нужна.

Алла, наконец, закончила набросок. На бумаге Спирос получился именно таким, каким был — в вечном движении, с хитрым прищуром и соленой морщинкой у глаз. Увидев себя, старик прослезился. Он схватил Аллу за руки и начал кружить её в медленном танце, напевая что-то гортанное и бесконечно грустное.

Вечером Спирос решил, что путешественникам не хватает защиты. Он принес старый, выцветший на солнце оберег — «Мати» (синий глаз от сглаза).

— Океан — он как женщина, — Спирос стал серьезным, привязывая синий стеклянный диск к вантам. — Бывает добрым, бывает злым. Но этот глаз будет защищать тебя. Он увидит беду раньше вас.

Спирос вынес Стёпе подарки — десятилитровую канистру густого, зеленоватого оливкового масла первого отжима и огромный круг домашнего сыра.

— Для моря! — кричал он, перекрывая звуки бузуки. — В Океане сыр — это жизнь!

Но самым важным приобретением стал совет Спироса. Он рассказал им о «Мельтеми» — коварном северном ветре, который в это время года может превратить идиллическое Эгейское море в кипящий котел.

— Запомните это место, — сказал он на прощание, когда звезды Эгейского моря стали особенно яркими. — Если в Америке вам не понравится — возвращайтесь. У Спироса всегда найдется лишняя тарелка мусаки и сломанный мотор для великого мастера.

Когда «DREAM» начала медленно отходить от причала, Спирос стоял на самом краю пирса. Его фигура в черном жилете чётко выделялась на фоне древней скалы.

— Kalo taksidi! (Доброго пути!) — его голос донёсся до них через водную гладь.

Алла посмотрела на синий оберег, который тихонько постукивал о металлическую мачту.

— Кажется, мы только что оставили здесь часть своей души — подумала она.

Стёпа промолчал, но в темноте было видно, как он бережно поправил «синий глаз» Спироса.

Стёпа стоял у руля, проверяя, как «DREAM» слушается руля.

Следующим по курсу у них был Крит — огромный остров-крепость, за которым начиналось открытое Средиземное море, где уже не будет уютных таверн и добрых Спиросов, а будет только соленая бесконечность.

Глава 9. Рыбалка

Крит вырастал из моря как спина спящего титана. Огромные, лысые горы Ида, увенчанные облачными шапками, казались неприступными. Стёпа вел «DREAM» вдоль южного берега, подальше от крупных портов вроде Ираклиона. Здесь, в Ливийском море, вода была еще более глубокого, почти черного цвета, а скалы обрывались в бездну вертикально.

— Стёпа, катер справа! — Алла первой заметила белую искру на горизонте, которая стремительно росла. Это была греческая береговая полиция. Бело-синий корпус катера «Limeniko Soma» летел над водой, взрезая волны острым форштевнем. Стёпа похолодел. У них не было ни «транзит-лога», ни страховки, ни даже отметок о прибытии в Грецию. По законам ЕС их «железный гроб» могли арестовать, а их самих депортировать обратно в Днепропетровск первым же рейсом.

— Стоп мотор! — скомандовал себе Стёпа.

— Алла, быстро доставай бинокль и делай вид, что мы просто смотрим на птиц.

Катер подошел почти вплотную. На палубе стоял офицер в безупречно белой форме и темных очках. Он долго рассматривал украинский флаг, потом перевел взгляд на Стёпу в замасленной тельняшке и на Аллу в широкополой шляпе.

— Registry? — прокричал офицер через мегафон. — Documents?

Стёпа, вспомнив уроки Митрича из Херсона, прикинулся «шлангом». Он вылез из люка, держа в руках кусок ржавой трубы, и начал отчаянно жестикулировать, указывая на двигатель.

— Engine kaput! — орал Стёпа, стараясь выглядеть как можно более несчастным. — Emergency! Water in fuel!

Алла, подхватив игру, выскочила на палубу со своим словарем и начала выкрикивать случайные греческие слова, которые первыми попались на глаза:

— Vithisi! (Затопление!) Voithia! (Помощь!) Panagia mou! (Пресвятая Богородица!)

Офицер на катере поморщился. Связываться с грязным, сломанным стальным вельботом, у которого «бедствие» на борту, ему явно не хотелось. Бумажная волокита с буксировкой и нелегалами могла затянуться на неделю. Он что-то сказал рулевому, катер развернулся, обдав «DREAM» каскадом брызг, и ушел в сторону Ретимно.

— Уф... — Стёпа вытер пот. — Пронесло. Но больше мы так рисковать не будем. Уходим в открытое море. Крит был последним забором.

Через три дня, когда Крит растаял в дымке, а вокруг не осталось ничего, кроме синего круга горизонта, наступил «день большой ревизии». От свежих овощей Варны и Стамбула остались только одни воспоминания. Внутри яхты стались только мешки с пшеницей и тот самый огромный круг сыра, который подарил Спирос.

— Пора его вскрывать, — сказал Стёпа, доставая нож. — Пшеничная каша без ничего уже в горло не лезет.

Он с трудом разрезал твердую, восковую корку. Сыр внутри был плотным, ароматным, с редкими дырочками. Когда нож дошел до середины, он наткнулся на что-то твердое, завернутое в фольгу.

— Смотри, что это? — Алла протянула руку.

Это был маленький сверток. Внутри лежала записка, написанная неровным почерком на обороте ресторанного счета, и старая, потемневшая серебряная монета с изображением совы — древняя драхма.

Алла раскрыла словарь. Текст был коротким: «Navtikos! Море не берет тех, кто умеет смеяться. Если будет совсем туго, то лучше купите на неё вина в Гибралтаре.

Стёпа взял монету, подбросил её на ладони и бережно положил в коробочку к компасу.

— Спирос — старый лис, — буркнул он, но в его глазах блеснула искра тепла. Он подарил нам уверенность, что мы вернемся.

Они отрезали по толстому ломтю сыра. Он был соленым, как слезы, и пряным. В ту ночь Стёпа впервые за долгое время спал спокойно, зная, что на вантах висит «синий глаз» Спироса.

Когда Крит окончательно растаял за кормой, «DREAM» оказалась в центре гигантской синей тарелки. Ливийское море летом это зеркало, которое направляет каждый солнечный луч прямо в глаза. Температура поднялась до сорока восьми, и стальной корпус вельбота начал превращаться в сковородку.

— Стёпа, я больше не могу, — Алла сидела в тени парусинового тента, который они соорудили из старой простыни. Воздух был как будто из духовки. Железо «DREAM» раскалилось так, что к борту нельзя было прикоснуться голой рукой. Внутри каюты стояла невыносимая духота. Стёпа, обливаясь потом, каждые час обливал палубу забортной водой, и она испарялась мгновенно, оставляя лишь белые соляные разводы.

Главной проблемой стала еда. Пшеница, которую они везли в мешках, начала подсыхать и пахнуть пылью. Чтобы сэкономить пресную воду, Алла научилась варить её на смеси морской и пресной воды (в пропорции один к трем).

— Это похоже на кашу из топора, — шутила она, пытаясь проглотить клейкую массу, сдобренную оливковым маслом Спироса.

— Если мы дойдем до Мальты, я клянусь, что съем целый килограмм мороженого.

Стёпа страдал молча. Его мучила «куриная слепота» от постоянного блеска воды. Бинобль обжигал лицо, но он продолжал всматриваться в горизонт, боясь пропустить огромные танкеры, которые шли по этому маршруту как поезда — строго по расписанию и не сворачивая. Один раз ночью мимо них прошел контейнеровоз высотой с десятиэтажный дом. Его волна едва не перевернула «DREAM», а грохот двигателей еще долго вибрировал на зубах Стёпы.

Вода в баках нагрелась и стала на вкус как теплая резина. Каждый глоток был на счету.

— Смотри, — Стёпа показал на старый школьный глобус. — Мы сейчас вот здесь, в этой самой пустоте. Между Европой и Африкой, а под нами глубина в три километра.

— Спирос знал про это пекло, — прошептала Алла, ещё раз перечитывая записку Спироса. — «Море не берет тех, кто умеет смеяться». Стёпа, улыбнись, пожалуйста. Ну, хоть разочек.

Стёпа, потрескавшимися от соли и жары губами, выдавил из себя подобие улыбки. Потом он достал ведро воды, вылил его себе на голову и внезапно захохотал.

— Мы дойдем, Алла! Раз этот старый грек за нас поручился — мы просто обязаны дойти!

На третий день перехода, когда пшеница начала вызывать тихую ярость, Стёпа решил: «Хватит». Он вылез из тени тента, щурясь от нестерпимого блеска воды, и достал свой походный ящик. Настоящих морских снастей у него не было — кто же знал в Днепропетровске, на что клюет средиземноморский тунец?

— Алла, жертвуй столовым серебром! — скомандовал он.

Алла, обмотанная мокрой простыней и похожая на греческую богиню, протянула ему столовую ложку из нержавейки, купленную на днепропетровском рынке. Стёпа подошел к делу с инженерной сноровкой. Он отпилил ножовкой ручку, просверлил в черпале дырку и приклепал туда огромный тройник, который он когда-то выменял на лодочной станции на бутылку пива.

— Это не блесна, а настоящий снаряд, — заметил Степан, и принялся натирать алмазной пастой металл до зеркального блеска.

— Она же ослепит рыбу!

— В этом весь смысл, — пробурчал Стёпа. — Пусть думает, что это очень жирная и очень глупая сардина.

Он размотал толстую леску, которую подарил Спирос, и забросил свою «ложку» в кильватерную струю. «DREAM» шла под парусом узла в четыре. Блесна весело прыгала по гребням волн, пуская солнечные зайчики. Час, два, три... Тишина. Море было пустым и прозрачным до пугающей глубины.

Вдруг леска, обмотанная вокруг Стёпиной ладони, дернулась с такой силой, что он едва не перелетел через леер.

— Есть! — взревел он, упираясь ногами в планширь.

Рыба на том конце буквально вставала на дыбы, она сражалась за жизнь с яростью берсерка. Леска резала кожу, Стёпа намотал её на утку, чтобы не упустить добычу. Через десять минут борьбы у борта всплыло нечто золотисто-зеленое, переливающееся всеми цветами радуги.

— Корифена! — выдохнула Алла. — она же просто красавица!

Это была большая дорадо (махи-махи). Вытащенная в кокпит, она била хвостом по палубе, как молотком. Её цвета менялись на глазах от ярко-изумрудной она постепенно становилась золотой, потом серебристой и, наконец, засыпая, тускло-серой. Стёпе на миг стало не по себе — он словно убил кусок самого солнца. Но голод был сильнее.

Вечером они ужинали по-королевски. Стёпа соорудил на палубе импровизированный мангал из старого ведра. Запах жареной рыбы, сдобренной маслом Спироса и лимоном, купленным еще в Стамбуле, позволили им ненадолго забыть о жаре.

Ночью же рыбалка продолжилась сама собой. Стёпа проснулся от странных хлопков по палубе. Выглянув в кокпит, он увидел несколько серебристых существ размером с небольшую селедку, но с длинными, прозрачными «крыльями».

— Летучие рыбы! — Алла уже собирала их в подол. — Стёпа, они сами к нам прыгают!

Рыбы, спасаясь от хищников в темноте, врезались в паруса «DREAM» и падали на палубу. Утром Алла замариновала их в остатках уксуса. Эти маленькие «летчики» спасли их от пшеничного безумия в последние два дня пути до Мальты.

На шестые сутки на горизонте возникло марево. Потом стали проступать неопределенные очертания. А затем из дымки появились охристые, золотистые стены Валлетты. Мальта казалась миражом, порожденным жарой, но когда до них донесся колокольный звон церковью Слимь, они поняли что их первый большой переход завершен.

Глава 10. Мальта

Когда «DREAM» вошла в Великую Гавань, Стёпа первым делом пришвартовался у первой попавшейся колонки с водой. Он пил долго, прямо из шланга, чувствуя, как жизнь постепенно возвращается в его тело.

Когда «DREAM» миновала форт Сент-Эльмо, Стёпа невольно сбросил газ. Огромные бастионы из медового известняка нависали над ними, отражаясь в воде цветом старого золота. В воздухе стоял густой колокольный звон — Мальта праздновала какой-то местный «феста», и звуки взрывов петард смешивались с гулом портовых кранов.

— Стёпа, посмотри наверх! — Алла закинула голову так, что шляпа едва не улетела за борт. — Там сады! Прямо на крышах крепости!

Они пришвартовались в районе Витториозы, втиснувшись между лакированным английским кечем и старой итальянской баржей. Стёпа чувствовал себя не в своей тарелке — его вельбот, облупившийся от соли, с пятнами ржавчины на ватерлинии, выглядел здесь как побитый солдат на параде гвардейцев.

Вечером, когда жара сменилась мягким средиземноморским бризом, они отправились на поиски еды и информации. Узкие улицы Валлетты напоминали глубокие каньоны. Над головами сушилось белье, а из открытых окон с резными балконами-галереями доносились крики на певучем мальтийском языке — смеси арабского, итальянского и английского.

Они зашли в таверну «The Knight's Knot» («Узел рыцаря»). Это было место, вырубленное прямо в скале. Своды были такими низкими, что Стёпе приходилось пригибаться. В углу, под портретом Великого Магистра, сидел старик. На его мизинце поблескивал массивный перстень с восьмиконечным крестом.

— Садитесь, путешественники, — произнес он, не поднимая глаз. — От вас пахнет Ливийским морем и жареной дорадо. Это хороший запах. Это был Марио де Валетт. Он заказал им по стакану «Кинни» — горьковатого местного напитка из красных апельсинов и полыни.

— Мой город построили рыцари, мы их потомки. Марио посмотрел на Стёпины руки, покрытые шрамами от сварки.

— Ваша лодка... я видел её в бинокль. Она уродлива, как грех, и надежна, как вера. В ней есть то, чего нет у этих пластиковых игрушек, которых полно в марине. В ней есть душа.

Алла достала блокнот и начала быстро набрасывать профиль Марио. Она рисовала его лицо, как каменную структуру, причём высеченное из тех же камней, что и форт Сент-Анджело.

— Послушайте, мастер, — Марио придвинулся ближе. — Впереди у вас Гибралтар, а дальше Бискайский залив. Это рога быка. Океан будет испытывать вашу сталь на прочность. Идите на склад к Джузеппе в доках Сенглеи. Скажите, что вы от последнего рыцаря Мальты. Он даст вам настоящий манильский канат. В шторм он не лопнет, на него можно положиться.

Когда они вышли из таверны, Валлетта сияла огнями. Стёпа чувствовал странное воодушевление. Ему казалось, что этот остров мог бы принять их. Они вернулись на «DREAM», и в ту ночь Стёпе снились не дизели, а рыцари в доспехах, которые помогали ему натягивать паруса под палящим солнцем Атлантики.

Склад Джузеппе в доках Сенглеи напоминал пещеру Али-Бабы, только вместо золота здесь до самого потолка громоздились горы морского хлама — просоленные рыболовные сети, медные иллюминаторы, заросшие патиной, и бухты канатов, пахнущие дегтем и старым кораблем.

Джузеппе, маленький и юркий старик с лицом, сморщенным, как соленая оливка, встретил их настороженно. Но когда Стёпа передал ему записку от Марио де Валетта, старик преоб-

разился. Он выдал им две бухты превосходного каната. Но Аллу привлекло кое-что другое. В темном углу, под слоем многолетней пыли, тускло поблескивала старая бронзовая нактоузная лампа. Она была тяжелой, с толстым рифленным стеклом — настоящая вещь из тех времен, когда капитаны еще правили по звездам.

— Стёпа, посмотри сюда, какая прелесть, — прошептала Алла, — это же сердце для нашей рубки. Она будет гореть, когда вокруг будет только тьма.

Джузеппе, заметив её взгляд, тут же заломил несусветную цену, активно жестикулируя и выкрикивая цифры на смеси итальянского и мальтийского. Алла не растерялась. Она вытащила свой «Мультязыковый словарь», расправила плечи и включила всё свое обаяние.

— Caro Giuseppe... (Дорогой Джузеппе), — начала она, лучезарно улыбаясь. — Lampada... antica... ma... (Лампа старая, но...) Troppo caro! (Слишком дорого!)

Она начала объяснять ему, используя словарь и рисуя в воздухе контуры их маленькой железной лодки, что эта лампа — их единственный шанс не заблудиться в огромном океане. Она то вздыхала, глядя на лампу как на потерянное сокровище, то театрально закрывала словарь, делая вид, что уходит. Джузеппе, завороченный этой игрой и красотой «русской синьоры», начал сдаваться. Цена падала с каждым её «Per favore». В итоге, когда Алла предложила ему в дополнение к небольшой сумме быстрый карандашный набросок его самого на фоне его сокровищ, старик сдался окончательно.

— Va bene, va bene! — закричал он, смеясь. — Забирайте! Марио меня убьет, но такая женщина должна иметь свет на своем корабле!

Решив задержаться на Мальте ещё на три дня, чтобы прийти в себя после ливийского пекла, они превратились в настоящих исследователей. Они бродили по Садам Верхней Барракки, откуда открывался вид на всю гавань, и заглядывали в собор Святого Иоанна, где золото на стенах создавало загадочные блики.

Но деньги подходили к концу, и Стёпа начал искать «подработку». На Мальте всегда что-то ломалось, особенно на старых катерах. В порту Мсиды он нашел мастерскую, где мучились с дизелем старого прогулочного судна. Стёпа, засучив рукава, за пару часов настроил топливную систему, которую местные механики считали безнадежной. Хозяин мастерской, пораженный скоростью и точностью «русского гиганта», заплатил ему пригоршней мальтийских лир, которых хватило бы на полноценный запас провизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.